

Николай Греч

**Путевые письма из Англии,
Германии и Франции**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Греч**
Путевые письма из Англии, Германии и Франции: Часть 2 / Николай Греч –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 290 с.

ISBN 978-5-518-09605-9

ISBN 978-5-518-09605-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

XVIII.

Поездка въ Версаль. Дорога. Прѣжнее величіе Версаля. Нынѣшнее назначеніе. Національный Музей. Садъ. Поездка въ Марли. Исторія его. Запускъ

Въ числѣ любопытныхъ историческихъ мѣстъ Франціи, которыя надлежало мнѣ посѣтить въ нынѣшнее время, однимъ изъ первыхъ была Версаль. Я видѣлъ этотъ монументъ времени и славы Лудовика XIV еще въ 1817 году, но тогда великолѣпная резиденція Французскихъ Королей едва возникала изъ пепла и праха, въ которые повергла ее неистовая революція. Стану описывать нынѣшнюю поездку свою и видѣнное мною не систематически, не дидактически, а такъ какъ было, и какъ ляжетъ подъ перо.

Изъ знакомыхъ мнѣ людей, которыхъ я нашелъ въ Парижѣ, всѣхъ болѣе обрадовался мнѣ, извѣстный и въ Петербургѣ, мимъ и чревовѣщатель Александръ Ваттемаръ. Я принималъ его у себя въ домѣ съ удовольствіемъ, особенно когда узналъ его благородный характеръ и образъ

мысли, когда познакомился съ его милымъ семействомъ. Услышавъ о прибытіи моемъ въ Парижъ, онъ немедленно отыскалъ меня, предложилъ мнѣ свои услуги, пригласилъ къ себѣ, и былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ во многихъ случаяхъ, какъ я разскажу въ послѣдствіи. Жена его, женщина почтенная, умная и благовоспитанная, была въ то время нездорова, и жила съ дѣтьми въ загородномъ ихъ домѣ, въ Марли. Сбираясь ѣхать въ Версаль, я далъ ему слово обѣдать у него въ этотъ день. Марли лежитъ недалеко отсюда, почти на дорогѣ въ Парижъ.

Я отправился въ Версаль въ воскресенье, 27 іюня, въ обществѣ Софіи Ивановны Копрадъ и двѣнадцатилѣтняго сына ея, Алфреда, милого, умнаго мальчика, на котораго я не могъ смотрѣть безъ душевнаго унынія, помышляя, что онъ воспитывается и долженъ вырасти въ Парижѣ, а

Этотъ градъ такое море,
Въ которомъ годовъ шесть числа!

Въ восемь часовъ утра пришли мы въ контору версальскихъ омнибусовъ, въ улицѣ Риволи, подлѣ Тюмэрийскаго Дворца, и съ трудомъ нашли мѣсто. Народъ такъ и валитъ въ Версаль. Наша повозка была набита людьми всякаго званія, возраста и пола. Бесѣда раздѣлилась по образованію людей. Простыя женщины толковали между собою, какъ и у насъ бываетъ, о неугомонныхъ своихъ сосѣдкахъ, о сварливыхъ мужахъ, о дороговизнѣ, о напраслицѣ. Мужчины

того же класса разсуждали объ игрѣ, о трактирныхъ приключеніяхъ и т. п.; молодые люди вглядывались въ черные глаза молодыхъ сопутницъ, а эти старались продать товаръ лицомъ. Нѣсколько человѣкъ, выше четырнадцатаго класса, составили особый кружокъ: это были старичекъ лѣтъ семидесяти, учтивый и даже церемонный, обломокъ стараго вѣку, врагъ нововведеній и революцій, но еще живой и пылкій; одинъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ красною ленточкою въ петлицѣ, и еще молодой человѣкъ, напитанный новыми идеями, но, повидному, кроткій и добродушный. Мы присоединились къ этому кружку, и не видали, какъ пріѣхали въ Версаль. — Разумѣется, что рѣчь зашла о томъ мѣстѣ, куда ѣдемъ. Алфредъ замѣтилъ, что, къ сожалѣнію своему, не могъ предварительно прочитать ничего о Версали, какъ она началась, какъ возвысилась. — «Я могу служить вамъ въ этомъ случаѣ, молодой другъ мой, сказалъ ему пріивѣтливо старикъ: Версаль помню я съ младенчества, и прочиталъ все, что о пей писано. Слушайте же. Мѣсто, на которомъ построена нынѣшняя Версаль, принадлежало въ 1560 году Марціалу до Ломени, секретарю Карла IX. Король Наваррскій, въ послѣдствіи Генрихъ IV, частенько бывалъ тамъ на охотѣ. Лудовику XIII понравилась Версаль близостью своею къ Сенъ-Жерменскому Замку, густотою своихъ лѣсовъ и обиліемъ дичи. Онъ часто ѣзжалъ туда, и за недостаткомъ жилья, почевалъ на вѣтрной мельницѣ, или въ грязномъ извозничьемъ

постояломъ дворъ. Въ 1624 году построилъ онъ павильонъ, котораго остатки сохранились донынѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ купилъ онъ мельницу, и на ея мѣствъ построилъ небольшой каменный домъ. Онъ полюбилъ это мѣсто, и проводилъ въ немъ все время года, удобное для охоты, въ небольшомъ кругу царедворцевъ и любимцевъ. Въ числѣ ихъ были братъ Короля, Гастонъ, Герцогъ Орлеанскій, самый злой врагъ кардинала Ришельё; старикъ маршалъ де Бассомпьеръ, живой памятникъ временъ Генриха IV, и прекрасный тѣломъ и душою, несчастный Сень-Маръ, жертва злобы кардинала. Сень-Маръ построилъ близъ Версаля небольшой загородный домикъ. — Въ 1630 году Версаль была позорищемъ политическаго происшествія, известнаго въ Исторіи подъ именемъ: *la journée des dupes*. Королева, мать Лудовика XIII, непременно хотѣла удалить кардинала, и въ самомъ дѣлѣ ей удалось выманить у слабаго Король объщаніе, что онъ исполнитъ ея волю. Но хитрый кардиналъ догадался, и принялъ свои мѣры. Въ ту самую минуту, когда Лудовикъ XIII далъ своей матери объщаніе, что отставить кардинала, министръ этотъ вошелъ неожиданно въ комнату. — «Ахъ, вотъ онъ и самъ!» сказалъ Король съ безпокойствомъ, которое тщетно скрыть старался. «Такъ вы обо мнѣ говорили?» возразилъ кардиналъ хладнокровно и твердо. Королева немогла удержаться. «Да, мы говорили о васъ! вскричала она: что вы самый злой и неблагодарный человекъ!» Тщетно Король и кар-

диналь старались ее успокоить. Наконец Ришелье уступилъ, и потребовалъ увольненія. Эта сцена происходила въ Люксанбургѣ. Но торжество Королевы и ея друзей было непродолжительно. Король побѣхалъ на охоту въ Версаль, расканвался, что лишился усерднаго министра, который несъ, вмѣсто его, все бремя правленія. Придворные, догадавшись, о чемъ помышляетъ Король, извѣстили о томъ кардинала. Ришелье явился туда немедленно, бросился предъ Королемъ на колѣни, и называлъ его своимъ благодѣтелемъ. Лудовикъ XIII поднялъ, облобызалъ и просилъ его не выходить въ отставку. Кардиналь со слезами отговаривался, и клялся, что не хочетъ быть причиною раздора между сыномъ и матерью, что намѣренъ удалиться въ пустыню, и оплакивать свою злосчастную судьбу: его де называютъ неблагодарнымъ! Король разнѣжился, приказалъ кардиналу остаться въ службѣ, и просилъ его о совѣтѣ, какъ бы наказать виновника этой гнусной интриги. Извѣстно, съ какимъ усердіемъ кардиналь исполнилъ эту просьбу.» — «Такъ для одной звѣршной ловли, спросилъ человекъ среднихъ лѣтъ съ улыбкою, Лудовикъ XIII ѣздилъ въ Версаль?» — «Нѣтъ, продолжалъ старикъ: есть преданіе, что онъ видался здѣсь съ прекрасною Графинсю де Готфоръ; ему нравились уединеніе и тишина Версали, гдѣ не достигали слуха его смуты и жалобы тогдашнихъ царедворцевъ. По смерти Лудовика XIII, Версаль казалась обреченною запустѣнію, но лишь только Лудовикъ

XIV, пришелъ въ совершеннолѣтіе, онъ остановилъ свое вниманіе на этомъ замкѣ. Онъ не любилъ Парижа, вспоминалъ о тамошнихъ смутахъ и волненіяхъ, какъ онъ, Король, наканунѣ Крещенья (*), долженъ былъ бѣжать оттуда. Онъ до того ненавидѣлъ шумъ народный, что и радостныя восклицанія толпы, встрѣчавшей его при въѣздѣ въ столицу, казались ему дерзкими и непристойнымъ. Лудовикъ удалялся отъ многолюдства, и только въ знакъ особеннаго своего благоволенія, изрѣдка посѣщалъ шумный Парижъ.—Сень-Жерменскій Дворецъ онъ оставилъ, говорягъ, по той причинѣ, что изъ оконъ его видны башни Сень-Денискаго Аббатства, въ которомъ погребаются Короли Французскіе. Сверхъ того, въ Версали было болѣе простору для построекъ и для разведенія садовъ. Лудовикъ вознамѣрился соорудить здѣсь, для себя и для потомковъ своихъ, дворецъ достойный быть жилищемъ Королей Французскихъ, и исполнилъ свое предначертаніе: Версаль сдѣлалась предметомъ удивленія и подражанія всей Европы.— Эти пострѣйки начались не ранѣе 1660 года; но достойно замѣчавилъ, что Король никакъ не соглашался сломать зданіе, воздвигнутое отцемъ его, и только позволилъ застроить его со всѣхъ сторонъ, чтобъ оно не нарушало единства и характера цѣлаго. Последнимъ дѣломъ, по порядку времени, въ Версали было пострѣеніе придворной церкви (**).— Если

(*) 1649 года.

(**) Съ 1699 по 1710 г.

архитекторамъ было трудно возводить новыя зданія, не разрушая старыхъ, то едва ли не болѣе заботъ и трудностей представилось ле-Потру, когда надлежало въ сторонѣ пустынной, ровной и безводной, развести садъ, достойный владыки блистательнаго Королевства Французскаго, когда надлежало еще бороться съ прихотями Короля, которыя не всегда соответствовали требованіямъ вкуса. Заведеніе садовъ довершено было постройкою оранжерей. Затруднительнѣе всего было снабдить водою версальскіе пруды и водометы. Сначала вздумали провести въ Версаль рѣку Эру (Eure), прокопавъ ей новое русло отъ одного пункта между Шартромъ и Ментенономъ. Сколько истрачено было денегъ! сколько погибло при томъ людей! На эту работу отражены были пѣхотные полки: солдаты гибли сотнями отъ вредоносныхъ испареній взрытой земли. Но никто не смѣлъ говорить, что въ лагерьъ были больныя, а тѣмъ менѣе, чтобъ кто нибудь умеръ. Война (*) прекратила эти работы, и онѣ съ тѣхъ поръ не возобновлялись: памятникомъ исполненныхъ трудовъ остались безобразныя развалины. — Кольбертъ, сказывающъ, имѣлъ намѣреніе провести воду изъ Луары. Строитель Лангедокскаго Канала, Рике, брался исполнить этотъ планъ за 2,400,000 ливровъ, но, къ счастью, Кольбертъ, до заключенія контракта, предложилъ проектъ на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, и послѣ рачительнаго

(*) Въ 1688 г.

нивеллированія, оказалось, что исполненіе его невозможно. — Въ 1690 построили машину въ Марли, для приведенія воды изъ Сены, но и этотъ планъ былъ неудаченъ: надлежало ограничиться сборомъ воды изъ всѣхъ окружныхъ болотъ, прудовъ, рѣчекъ, построить водоемъ на случай дождя, и такимъ образомъ набирать сколько нужно воды, для приведенія въ движеніе фонтановъ два или три раза въ годъ.» — «Согласитесь, сказалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, слушавшій старика очень внимательно, что ужасно подумать, какія несметныя суммы Лудовикъ XIV потратилъ на построеніе Версаля!» — «А сколько, какъ вы думаете?» спросилъ старикъ. — «Вольтеръ говоритъ, что на Версаль употреблено пятьсотъ милліоновъ ливровъ, или, по нынѣшнему курсу, девятьсотъ милліоновъ.» — «Что вы! что вы! вскричалъ молодой человѣкъ: болѣе тысячи двухъ сотъ милліоновъ. Прочтите Мирабо: онъ говоритъ, что министръ Белль-Иль, досчитавшись до этой суммы, остановился отъ ужаса.» — «Кончили ль вы?» спросилъ старикъ, съ крѣпкою улыбкою. Эти показанія служили поводомъ и текстомъ ко многимъ декламациямъ во время революціи. Вольней, въ лекціяхъ объ Исторіи, читанныхъ имъ въ 1795 г. въ нормальномъ училищѣ, говорилъ, что на Версаль истрачено четыре тысячи шестьсотъ милліоновъ франковъ, на нынѣшнія деньги, и ссылался при этомъ на рукопись, хранившуюся у бывшаго интенданта строеній, Анживилье. Наконецъ одинъ архитекторъ, Гильомо, вздумалъ по-

вѣрить эти преувеличенныя свидѣтельства, отыскалъ подлинныя счеты и рукопись Анживилье, и нашель, что всего истрачено на Версаль, въ теченіе двадцати семи лѣтъ (*), сто семьдесятъ оди́нь милліонъ триста пять тысячь триста во́семьдесятъ ливровъ, два су и шесть денье, по нынѣшнему счету; по тогдашнему же, не много болѣе осьмидесяти пяти милліоновъ съ половиною. Вотъ чѣмъ ограничились эти тысячи милліоновъ! И куда же дѣвались эти деньги? Онѣ перешли въ руки трудолюбивыхъ художниковъ, мастеровыхъ и работниковъ, остались во Франціи, и послужили къ обогащенію самыхъ полезныхъ сословій. Вѣрьте, послѣ этого, декламациямъ революціонныхъ крикуновъ!» Старикъ умолкъ. Лице его раскраснѣлось. Въ глазахъ заблистали слезы. Никто не смѣлъ ему противорѣчить. — Послѣ нѣкотораго молчанія, продолжалъ онъ: «И въ этомъ великолѣпномъ зданіи, достойномъ великаго своего обитателя, образовался характеръ Лудовика XIV, Короля Французскаго по превосходству: какъ другіе царскіе дворцы суть подражаніе единственной Версали, такъ чужіе Дворы образовались по примѣру Версальскаго. Кто исчислитъ великія событія, совершившіяся въ стѣнахъ опустѣвшей теперь Версали, и живущія донинѣ въ своихъ послѣдствіяхъ? Тамъ великій Лудовикъ утвердилъ благодатную царскую власть, которая, въ молодости его, была

(*) Съ 1664 по 1690 г.

обуреваема крамолами и междоусобіями; тамъ основалъ онъ славную Французскую Монархію, возвысивъ ее надъ прихотями судьбы, надъ перемѣнчивостію народнаго мнѣнія, надъ требоваціями властолюбивыхъ чиновъ государственныхъ. Вѣтхое зданіе феодализма разрушилось. Король воздвигъ цовое, въ которомъ властвовали воля Божія и воля Монарха, Богомъ установленнаго. Вы впадѣли, сколько великихъ дѣлъ совершенно было подъ этою хоругвію; но я все сбиваюсь на политку — Богъ съ нею! Обратимся къ самому Лудовику, къ его особѣ, къ его лицу. Собственнымъ своимъ примѣромъ установилъ онъ тотъ благородный, вѣщественный этикетъ, который, какъ сіяніе славы, окружалъ царей его времени, который, и въ самыхъ закоснѣлыхъ врагахъ его, рождалъ къ нему уваженіе. Онъ имѣлъ истинно царскую добродѣтель возвышать цѣну даровъ своихъ граціею, съ какою раздавалъ ихъ: каждое слово, каждый взглядъ, каждая улыбка были рассчитанными послѣдствіемъ строгаго чувства приличія, и постепеннымъ отличіемъ для тѣхъ, къ кому относились. Лудовикъ въ большихъ собраніяхъ говорилъ мало, но всегда обязательно, никогда не употребляя обидныхъ выраженій, даже если упрекалъ или наказывалъ. Онъ никогда прямо не отказывалъ: скажетъ тихо *je verrai* (увидю), учтиво поклонится, и только. Эти привѣтствія, эти приемы остались въ Исторіи. Въ каждомъ его движеніи сливались грація и величіе, особенно когда онъ обращался къ жен-